

РЕЦЕПЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТСТВА И ЮНОШЕСТВА: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

Изучается научная и критическая литература, посвященная проблематике художественных текстов для детей и юношества. Рассматривается роль в таких текстах фантастического элемента.

Ключевые слова: рецепция, литература для детей и юношества, фантастика.

Анотація

Досліджується наукова та критична література, присвячена проблематиці художніх текстів для дітей та юнацтва. Розглядається роль у таких текстах фантастичного елемента.

Ключові слова: рецепція, література для дітей та юнацтва, фантастика.

Summary

The article focuses on the study of scientific and critical literature devoted to the peculiarities of fiction for children and teenagers. The role of fantastic elements in such texts is under investigation.

Key words: reception, literature for children and teenagers, fantasy.

Целью данного исследования является изучение концепций критических и научных работ, посвященных вопросам литературы для детей и юношества, выявление отличительных характеристик указанных типов художественной словесности путем анализа роли фантастического в их структуре.

Возможность рассмотрения детской литературы как самостоятельного, полноценного, обладающего специфическими особенностями художественного феномена была отмечена еще Белинским, Чернышевским, Добролюбовым [1], что неминуемо повлекло за собой ряд контраргументов. К. Шишкан, анализируя проблему эволюции детской и подростково-юношеской прозы [17], приводит в своей монографии точку зрения Д. Писарева, утверждавшего искусственность и необоснованность созда-

ния ориентированной на юного читателя отрасли литературы [17, с. 58]. Мысль о том, что любое качественное произведение мировой словесности потенциально пригодно для восприятия ребенка, доказывалось наличием в круге детского чтения таких книг, как «Путешествия Гулливера», «Дон Кихот», «Робинзон Крузо». Однако современные исследователи [7], [17] объясняют процесс перехода указанных текстов в сферу литературы для детей предварительной адаптацией материала, оригинальный вариант которого представлял бы сложности для несформировавшегося сознания.

В целом, несмотря на многочисленные отклики в защиту детской словесности, оппоненты иногда цитируют положения книги Жаклин Роуз «The Case of Peter Pan, or the Impossibility of Children's Literature» («Пример Питера Пэна, или Невозможность детской художественной литературы») [14], где высказанная в заголовке идея доказывается социальной обусловленностью детского чтения, а также заинтересованным посредничеством взрослого при написании и отборе текстов [14, с. 8].

Одной из причин шаткости аргументации при вычленении литературы для детей в качестве целостного эстетического явления М. Славова считает «метания и поиск методологических опор то в педагогике и психоанализе, то в теории информации и семиотике, то в рецептивной эстетике и культурологии» [14, с. 8].

Ряд исследований последних десятилетий (О. Будугай [3], О. Папуши [12], У. Гнидец [5], Н. Богатыревой [2], Н. Резниченко [13] и др.) свидетельствует о возрастающем интересе отечественных и зарубежных ученых к эстетической составляющей художественного явления, рассматриваемого ранее преимущественно в контексте педагогических дисциплин.

Особо следует выделить диссертацию О. Папуши, значительно обогатившую наши представления о нарративе литературы для детей. Но именно в этой работе, часть которой посвящена проблеме уточнения дефиниций анализируемого художественного феномена, наиболее ярко проявляется общая для многих исследователей тенденция отождествления понятий детской и подростково-юношеской беллетристики.

Существование данной тенденции прослеживается во многих научно-критических разработках. К примеру, размытость границ между указанными определениями видна в работе немецкого литературоведа В. Штеффенса, который среди важнейших нарративных элементов, способство-

вавших смене культурной парадигмы современной прозы для детей, выделяет тщательно сформированный внутренний монолог, близость к прописке потока сознания, разрыв хронологической линейности и др. [18, с. 207-208]. Не уменьшая значимости данного замечания, отметим лишь, что текст, построенный в соответствии с упомянутыми эстетическими принципами, вероятнее всего, окажется малопонятным для младшей возрастной группы и одновременно отвечающим возможностям и потребностям подростка.

Взаимозамещение понятий «ребенок» – «подросток» при обозначении реципиента литературы для детей имеет место в работах М. Славовой [14; 15], У. Гнидец [5], О. Папуши [12] и др. Ученые, раскрывая специфику «детской» литературы через сопоставление ее со «взрослой», показывая уникальность и художественную ценность такого рода беллетристики, как правило, не замечают особого статуса подростково-юношеской прозы, ее промежуточного значения, основанного на логике негативных аберраций, как «не взрослой», но уже и «не детской».

Тенденция смещения рассматриваемых понятий имеет историко-культурологическую основу. Изучая особенности подросткового возраста, известный психолог И. Кон приводит этимологию древнерусского слова «отрок» – «не имеющий права говорить» (производное от русских слов «от» и «реку»), что использовалось для номинации как ребенка, так и подростка, и юноши [16, с. 333-334]. Словарь Даля определяет подростка как «дитя на подросте», 14-15 лет, а юношу – как «молодого, малого» парня возрастом от 15 до 20 и более лет. Однако И. Кон и Д. Фельдштейн, приводя в своей статье, посвященной психолого-педагогическим характеристикам переходного возраста примеры из классической литературы, уточняют, что данное разделение весьма условно [16, с. 333-334]. В трилогии Л.Толстого «хронологической гранью между отрочеством и юношеством [является] 15-летие, а герою «Подростка» Ф. М. Достоевского уже перевалило за 20» [16, с. 334].

Несмотря на отсутствие общепринятой нормативности, некоторые ученые (М. Мещерякова [7], К. Шишкан [17]) достаточно убедительно используют термин «литература для подростков и юношества», исследуя как поэтику произведений, рассчитанных на реципиента данного возраста.

та (М. Мещерякова), так и эволюцию главного героя в социально-историческом контексте (К. Шишкан).

Период вычленения из общего литературно-художественного дискурса произведений, адресованных непосредственно подростку (а не приспособленных под юношеское чтение), К. Шишкан датирует 30-ми годами XX века, когда Лев Кассиль, Валентин Катаев, Александра Копыленко, Вениамин Каверин попытались противопоставить культу линейного и однопланового изображения «стерильной личности» тщательную прорисовку психологических особенностей становления характера растущего человека в конфликтных ситуациях [17, с. 84].

В соответствии с психологическим подходом литература для юношества, как и для детей, ориентирована на «особого читателя (ребенок или подросток), возрастные характеристики которого требуют определенных качеств от произведения и писателя» [14, с. 10], – следовательно, она обусловлена спецификой реципиента. Французский исследователь Марк Сориано, объединив положения культурной антропологии и теории информации, определяет литературу для молодежи как ограниченную во времени и пространстве коммуникацию «между взрослым, который говорит и пишет, и реципиентом-ребенком, владеющим на протяжении определенного времени лишь частично опытом и лингвистическими, интеллектуальными, эмоциональными, а также другими структурами, характерными для взрослого» [14, с. 13]. Отождествление понятий «молодежь» и «ребенок» в данном случае имеет смысл настолько, насколько идет речь об оппозиции мировоззрения «не-взрослой» (подросток, ребенок) и зрелой личности. Однако восприятие литературной дидактикой детской беллетристики как находящейся «между литературой и фольклором, между «высокой» и популярной литературой, и потому обозначенной чертами обоих типов художественной словесности» [14, с. 13] уже не дает полноценной возможности выводить упомянутые параллели, поскольку, несмотря на действительно промежуточное положение беллетристики для юношества, это уже положение иного уровня, и его еще предстоит осмыслить.

Акцентируется внимание на том, что определенность детской литературы адресатом неизбежно влияет на выбор художественной условности, которая должна соответствовать особенностям сознания ребенка, а зна-

чит, быть свободной от философских абстракций и приближаться к «предметному, эмоционально-импульсивному, иррациональному» [15, с. 31]. Адекватное фантазийно-образному детскому мышлению, фантастическое, по мнению М. Славовой, выступает доминантной составляющей любого произведения для детей, «способом реализации в литературном образе онтологии детства» [5, с. 28]. Другие причины, указывающие возможность рассмотрения фантастики и детской литературы в их синтетическом единстве, таковы: отнесение широкого массива произведений к массовой беллетристике, процессы мигрирования некоторых текстов, воспринимавшихся ранее как взрослое чтение, в область литературы для детей. Но наиболее значительным представляется актуализация и фантастикой, и детской литературой вымысла, игры. «Через фантастическое как способ образного моделирования конструируется художественный мир, формально нетождественный, отличный от реального. Параметры и характеристики этого мира ориентированы на особенности детского эстетического сознания, родственного фольклорно-мифологическому: это сказочно-фантастический мир, подобный миру волшебной народной сказки» [14, с. 21].

Следовательно, особенности фантастики в детской литературе соотносятся некоторыми учеными со сказочным началом, поскольку мироощущение маленького адресата близко народно-мифическому [15, с. 37].

Идея о синкретизме игрового и фантастического как неотъемлемого компонента детского мышления, жестко полемировалась в 20-х годах XX века Е. Яновской, Выгодским, Фортунатовым и др. [8], когда сторонники материалистического освещения действительности дискредитировали сказку за ее «антропоморфизм, за анимизм, за мистику, за апологетику королей и цариц» [2, с. 16].

Несостоятельность утилитарного подхода к психологии детства была доказана в середине 30-х годов возрождением сказочного жанра. При этом, как отмечает исследователь творчества В. Крапивина Н. Богатырева, жанрообразующие признаки сказки обогатились новыми элементами: философичностью, глубокой психологической разработкой характеров, что расширило жанровые границы произведения, удалив его от фольклорных первоисточников и выводя полученный литературный продукт в круг молодежного чтения [2, с. 22].

Действительно, литература для юношества значительно в меньшей степени, по сравнению с детской, привязана к фольклору, особенно же – к использованию родственных сказке (имеется в виду волшебная сказка) конструктивных моделей. Так, исходные принципы построения сказочного повествования, среди которых поляризация и типизация действующих лиц, однозначная этическая определенность, «приоритет действия и диалога над описанием и фабульным началом в разворачивании сюжетно-событийной цепи к неизменному [...] счастливому финалу» [14, с. 25], безусловно, отвечают психологическому развитию маленького ребенка, ведь, по словам В. Неелова, буквальная вера ребенка в сказочных персонажей способствует не эстетическому, а мифологическому восприятию мира [10, с. 29]. А. Макаренко и М. Сориано разделяют мнение о необходимости создания литературой для малышей упрощенного, яркого мира с четким разделением героев на «хороших» и «плохих», что связано с неотъемлемой для таких текстов дидактической функцией.

Однако те же принципы могут нести отрицательную нагрузку в условиях реализации их в литературе для юношества, приводя к упрощению произведения, несоответствию психологическим потребностям реципиента, поскольку «детская литература не рефлектирует, а юношеская обязана это делать» [4, с. 1].

Анализируя характер генетических взаимоотношений мифа, волшебной сказки и фантастики, Е. Неелов достаточно спорно настаивает на необходимости расставания с мифологической верой в чудесные события как неадекватной художественной структуре жанра. По словам исследователя, «установка на вымысел» – обязательное условие существования сказочного мира и при отсутствии эстетического отношения к сказке она может «стать синонимом неправды» [10, с. 29]: «[...] когда уходит вера (а она рано или поздно уходит), для человека, не принимающего фантастики, сказка превращается» в «ерунду» и «выдумку» [10, с. 29]. Тут нужно добавить, что в определенном возрасте, а именно – в подростковом, отрицание сказки является органичным. На смену фольклорному оптимизму к растущему человеку приходит трагическое ощущение неизбежности реальности, и обусловленность текстовых событий сказочными мотивировками уже не только не удовлетворяет подростка, но и может вызвать естественный протест против нарочитого искажения существующего по-

рядка вещей. Согласно справедливому замечанию Т. Кохановской и М. Назаренко, произведения Л. Кэрролла про Алису составляют достойную литературу для детей и взрослых, но не для подростков, во многом благодаря способности деконструировать мир, отражая «хаотичный универсум искривленной логики» [4]. «В детском восприятии это – «путаница», хорошо известная из фольклорных источников, во взрослом же – интеллектуальный эксперимент с элементами сатиры» [4], тогда как необходимым элементом книги для подростков авторы считают «постоянство правил игры и мироздания в художественном универсуме» [4], не исключая при этом логической эволюции изображения мира, построенного на углублении его понимания героем.

М. Славова утверждает, что увеличение границ читательского возраста в литературе для юношества требует существенной модификации художественной системы. Персонаж произведения для юношества «все больше становится выразителем национальных и социально-психологических черт, он проявляется многосторонне, даже противоречиво, углубляется психологизм, сложнее вырисовываются его отношения с окружающим миром» [15, с. 48]. В подростковом возрасте наиболее интенсивно строится собственная вселенная, формируется личность, что всегда есть «результатом саморазвития, самодвижения субъекта жизнедеятельности, равнодушного, безразличного отношения к действительности и к себе в ней» [11, с. 559].

Острая реакция подростков на проблемы современности часто вызывает у них бунт против окружающего социума и связанное с ним желание уединиться, что, в свою очередь, толкает юношу на поиски «параллельных миров». Поскольку это уже не может быть мир волшебной сказки, ей на смену приходит фантастика, как «инструмент перехода в загадочный мир сбывшейся мечты» [17, с. 18].

Интерес к фантастике обусловлен, разумеется, не только ее экзотичностью и природной остросюжетностью, хотя привлекательность необычного для подростка не вызывает сомнений. Ю. Кагарлицкий назвал фантастику самой распространенной формой интеллектуального романа современности. Б. Ляпунов разделяет это мнение, подчеркивая, что широкий взгляд человека на проблемы действительности, близость творчеству и познанию, попытки абстрактно мыслить способствуют развитию

интереса к научной фантастике [6, с. 49]. Конечно, такие устремления характеризуют не только молодежь, но наиболее полно и ярко они прослеживаются именно в юном возрасте. Экзистенциальные метания, поиск гуманизма и справедливости в глобальных, часто космических масштабах (иногда из-за неспособности обнаружить эти категории в реальном окружении) являются, в противовес оптимистической фольклорно-сказочной атмосфере детства, константой юношеского возраста, и фантастика, «по своей природе и насыщенности, отвечает органической потребности человека разобраться во всем этом» [6, с. 49].

Однако ориентация значительной массы серьезных произведений научной фантастики на взрослого реципиента с широким кругозором, умением оперировать историческими обобщениями, разбираться в противоречиях жизненных коллизий часто бывает причиной неспособности подростка и даже юноши правильно оценить философскую, социальную и морально-этическую проблематику этих текстов [6]. Противоречия между стремлением юноши к насыщенной интеллектуальной деятельности и объективными возможностями не-взрослой психики (в значении «не подготовленной») вызывает необходимость деления фантастики в соответствии с возрастом реципиента. Существенной чертой такой фантастики, кроме, разумеется, «унормированности» и «остросюжетности» [4, с. 1;3], есть также психологизм, и не только благодаря его статусу имманентного признака литературы как таковой, но и возрастному увеличению у подростка интереса к собственному «я».

В то же время среди теоретиков распространено отождествление персонажа научно-фантастического произведения с определенной идеей и, в меньшей степени, с человеческим характером. Такую точку зрения Ю. Кагарлицкого разделяет Е. Неелов, усматривая в этом одно из доказательств генетического родства научной фантастики и сказки. Указанные аргументы являются, безусловно, справедливыми, когда речь идет о научной фантастике первой половины XX века, направленной преимущественно на популяризацию знаний. Но исследовательница американской фантастики Л. Михайлова уверена, что даже в такой литературе любая идея приобретает выраженную форму, лишь воплотившись в судьбы героев. «В противном случае перед нами лекция, трактат, материал для дальнейшего художественного усвоения» [9, с. 75].

Последняя четверть века, по наблюдениям Б. Ляпунова, отмечена смещением интересов фантастов в сторону морально-этической проблематики, что, обогатив фантастику лирическим содержанием, добавила ей человечности, дефицит которой долго ощущался «в прежние годы фантазирования в технических и межзвездных абстракциях» [6, с. 216]. Многие современные направления фантастической литературы, соприкасаясь с комплексом гуманистических проблем, приближаются по своим глубинным параметрам к традициям реалистической прозы [6, с. 215].

В чем же заключаются особенности психологизма фантастики именно подростковой? Рассматривая характерные черты таких текстов, Т. Кохановская и М. Назаренко и отмечают важность акцентации литературой для юношества сложного процесса становления личности, который в фантастической прозе «только и может быть описан с помощью вовлечения архетипов» и в котором «происходит не борьба с Тенью, темным двойником, но его/ее интеграция в единую структуру субъекта» [4, с. 3]. И хотя данное утверждение является дискуссионным и требует дальнейшего осмысления, можно согласиться с исследователями, что при метафизическом восприятии концептов «взрослый» и «юноша» изображение главного героя подростком действительно не является обязательным, однако необходимость обращения к проблемам индивидуализации все же делает более естественным выдвижение именно растущего человека в качестве протагониста.

Прекрасными образцами ориентированной на юношество психологически насыщенной фантастики могут служить многочисленные тексты В. Крапивина (романы «Ампула Грина», «Кораблики, или «помоги мне в пути»», повести «Синий треугольник», «Гуси-гуси, га-га-га...», «Прохождение Венеры по диску Солнца» и др.), роман-антиутопия Г. Пагутяк «Господар», повесть Ю. Медведева «Куда спешишь, муравей» и др.

Выводы:

1. Критическая и научная рецепция шла в направлениях литературы для детей и юношества, обнаружив ряд дискуссионных вопросов и показав, что, несмотря на отождествление многими исследователями анализируемых понятий, ряд ученых все же выделяет прозу для подростков в отдельную сферу изучения.

2. Следует подчеркнуть, что особый статус литературы для юношества во многом обусловлен не только иным, по сравнению с детской художественной словестностью, адресатом, но и существенными отличиями в реализации природы фантастического, которое, не являясь в данном случае фантастикой волшебной сказки, несет в себе определенную психологическую нагрузку, раскрывающую процесс становления личности, очерчивает трудности социологизации, постижения реальности и формирования собственной картины мира, воплощает протестные и адаптационные интенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г. Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А.* О детской литературе. – М.: Детская литература, 1983. – 430с.
2. *Богатырева Н. Ю.* Литературная сказка В. П. Крапивина (Жанровое своеобразие и поэтика): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – М., 1998. – 209 с.
3. *Будугай О. Д.* Пригодницько-шкільна повість для дітей 1960- 1980-х років: жанрові особливості (О. Огульганський, Б. Комар, А. Давидов): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – К., 2007. – 213 с.
4. *Кохановська Т., Назаренко М.* Чекаючи на Стівенсона, або Острів, де не шукають скарби. – Режим доступу: <http://litakcent.com/2010/10/25/chekajuchy-na-stivensona-abo-ostriv-de-ne-shukajut-skarby>
5. *Гнідець Н. А.* Специфіка комунікації у літературі для дітей та юнацтва (на матеріалі сучасної німецькомовної прози): дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.04. – Львів, 2007. – 224 с.
6. *Ляпунов Б. В.* В мире фантастики. – М.: Книга, 1975. – 208 с.
7. *Мещерякова М. И.* Русская детская, подростковая и юношеская проза 2-ой половины XX века: проблемы поэтики. – М.: Мегатрон, 1997. – 381 с.
8. Ми проти казки: матеріали наради при ЦБ КДР (грудень 1929 року) / М. Миронів, Р. Гуревич (упоряд.). – Х.-К.: Держвидав України, 1930. – 72 с.
9. *Михайлова Л. Г.* Пси-фактор (Современная американская психологическая фантастика) // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2001. – № 5. – С. 73-83.
10. *Неелов Е. М.* Волшебно-сказочные корни научной фантастики. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 200 с.
11. *Основи психології: підручник / за ред. О. В. Киричука, В. А. Роменця.* – К.: Либідь, 2006. – 632 с.

12. Папуша О. М. Наратив дитячої літератури: специфіка художнього дискурсу: дисс. ... кандидата філ. наук: 10.01.05. – Тернопіль, 2003. – 236 с.
13. Резніченко Н. А. Українська проза для дітей 60 – 80-х років ХХ століття (жанрово-стильові модифікації): автореф. дисс. ... канд. філ. наук: 10.01.01. – К., 2009. – 18 с.
14. Славова М. Т. Попелюшка літератури. Теоретичні аспекти літератури для дітей. – К.: Київський університет, 2002. – 81 с.
15. Славова М. Т. Волшебное зеркало детства: статьи о детской литературе. – К.: Київський університет, 2002. – 94 с.
16. Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 400 с.
17. Шишкан К. Б. В поисках параллельных миров: русская подростково-юношеская проза Молдовы конца ХХ столетия – начала эры Интернет-поколения. – Кишинева: Бизнес-элит, 2008. – 293 с.
18. Steffens W. Epische Formen der Kinderliteratur im Spiegel der Erzähltheorie // Sprache und Stil in Texten für junge Leser. – Frankfurt a. Main, 1995. – S. 207-217.